

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

М. А. Волхонский, А. А. Ярлыкапов НОГАЙСКАЯ СТЕПЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ*

doi: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-61-70

УДК 94(470.67+470.661)

ББК 63.3(2)

В статье впервые ставится проблема идентификации Ногайской степи (географического пространства, расположенного между рр. Терек и Кума) как культурного ландшафта ногайцев, одного из тюркоязычных народов России. Особое внимание уделено анализу тех особенностей природно-культурного каркаса Ногайской степи, которые могут выступать в качестве своеобразного исторического источника, позволяющего реконструировать отдельные этапы и аспекты истории ногайцев в России. При выборе методологии исследования авторы статьи опирались на разработки таких российских исследователей как Ю. Н. Веденин, В. Н. Калущков, М. Е. Кулешова. В качестве источников использованы исторические архивные документы, а также исследования дореволюционных, советских и российских ученых по истории, материальной и духовной культуре и топонимике ногайцев. Статья в значительной мере основана на полевых материалах авторов, собранных в ходе исследований, проводившихся с 1993 по 2015 гг. на территории Ногайской степи, в основном в Ногайском, Кизлярском и Тарумовском районах Республики Дагестан. Культурный ландшафт Ногайской степи обладает сложной, комплексной структурой, узловыми элементами которой являются такие материальные, природно-культурные объекты, как источники воды, в том числе колодцы, курганы, реликтовые рощи, поселения, а также ногайские кладбища. Роль несущих элементов сакрального пространства ногайцев в степи играют шийхи — могилы святых исламских деятелей.

Ключевые слова: *Ногайская степь, ногайцы, культурный ландшафт, кочевое хозяйство, поселения, родо-племенное деление, тамги, сакральное пространство, кладбища*

Идентификация Ногайской степи как природно-культурного ландшафта

Междисциплинарные исследования культурных ландшафтов активно развиваются в России в течение последних десятилетий. Концепция культурного ландшафта была сформулирована одновременно как в западноевропейской, так и в российской географической науке еще в начале XX в.¹ В СССР в 1930–

1980-е гг. эта концепция оказалась невостребованной. В 1990-е гг. в России снова вернулись к этой ключевой для гуманитарной географии концепции. За прошедшие 25 лет исследователи, успешно освоив опыт российских дореволюционных и западноевропейских авторов,² смогли разработать и ввести в научный оборот свою методологию изучения культурных ландшафтов, а также провести комплексные полевые работы в разных регионах России.³

Одним из ключевых подходов к культурно-ландшафтным исследованиям является

¹ См.: Рагулина М. В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск, 2004; Стрелецкий В. Н. Па-

Волхонский Михаил Алексеевич — к.и.н., с.н.с. Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, Московский государственный институт международных отношений (г. Москва)
E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

Ярлыкапов Ахмет Аминович — к.и.н., с.н.с. Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, Московский государственный институт международных отношений (г. Москва)
E-mail: itbal@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-01 «Социокультурный феномен приграничья на постсоветском пространстве: массовое сознание, этнокультурные и конфессиональные идентичности, социальные практики» (рук. — В. В. Воротников)

радикалы геопространства и методология культурной географии // Гуманитарная география. М., 2004. Вып. 1. С. 95–119; Фролова М. Ю. Пейзажные исследования во Франции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1996. № 2. С. 52–56.

² Особое влияние на российских исследователей оказали работы американских исследователей Джона Б. Джексона, Дона Митчелла, Дениса Костроуа и др. См. подробнее: Jacson J. B. Discovering vernacular landscape. New Haven; London, 1984; Mitchell D. The lie of the land: Migrant Workers and the California Landscape. Minneapolis, 1996; Cosgrove D. Social formation and symbolic landscape. Madison; Wisconsin, 1998.

³ См.: Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. СПб., 1997; Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998; Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепции культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М., 2003. С. 62–77; Веденин Ю. А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 338–382; Калущков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008; и др.

идентификационный подход, который заключается в соотношении реального сообщества людей (современного или исторического, этнического или территориального, регионального или локального) с определенным культурным ландшафтом.

В статье впервые ставится проблема идентификации и изучения Ногайской степи (географического пространства, расположенного между рр. Терек и Кума) как культурного ландшафта ногайцев, одного из тюркоязычных народов России, дается анализ природных и культурных артефактов и ментифактов, которые могут выступить критериями для идентификации Ногайской степи в качестве природно-культурного ландшафта. Особое внимание уделено проблеме определения методологии и основных направлений систематического исследования этого ландшафта. Авторы статьи использовали архивные документы, а также исследования дореволюционных, советских и российских авторов по истории ногайцев, их материальной и духовной культуре и топонимике, а также собственные полевые материалы, собранные с 1993 по 2015 гг. в ходе исследований на территории Ногайской степи, в основном в Ногайском, Кизлярском и Тарумовском районах Республики Дагестан.

Формирование ногайцев как этноса (самоназвание *ногай*, мн. ч. *ногайлар*) относится к XIV в. Образовав в XV в. государство Ногайская орда со столицей в Сарайчике, ногайцы стали серьезной военно-политической силой на степном пространстве от Аральского моря и Уральских гор до низовий Дуная. С середины XVI в. в результате политического и экономического кризиса, сопровождавшегося вспышками эпидемий, Ногайская орда как единое государство перестала существовать. Часть ногайцев приняла участие в этногенезе казахов и каракалпаков. Другая часть под давлением калмыков в XVII в. переселилась западнее, заняв степи от Волги до Дуная, включая Предкавказье, Приазовье и Северное Причерноморье. В XVIII в. судьбы ногайцев оказались тесно связаны с противостоянием России и Турции в Кавказско-Черноморском регионе. Оказавшись заложниками соперничества двух империй, ногайцы в итоге лишились большей части своего исторического ареала проживания, переселившись в Турцию.

В настоящее время в пределах ареала исторического расселения ногайцев на территории России (по переписи 2010 г. — 103 660 чело-

век) сохранилось несколько районов их компактного проживания: в Астраханской области и Ставропольском крае, в Республике Дагестан, в Чеченской республике, в Карачаево-Черкесской республике. При этом отметим, что большая часть ногайцев проживает на Северном Кавказе и в Предкавказье. Каждый из указанных районов может по отдельности претендовать на статус культурного ландшафта ногайцев. Однако следует признать, что с эвристической и исторической точек зрения именно Ногайская степь является наиболее интересным объектом для проведения исследования культурного ландшафта, сформированного ногайцами на территории России.

Какие есть основания для идентификации Ногайской степи как культурного ландшафта? С географической точки зрения к Ногайской степи относят сухие степи и полупустыни, ограниченные на севере р. Кумой, на юге — Терекком, на востоке — берегом Каспийского моря. Западную географическую границу можно представить в виде линии между Терекком и Кумой в месте их наибольшего сближения, проходящей примерно между населенными пунктами Минеральные воды — Залукокоаже — Баксан — Прохладный. Западнее и южнее этой линии степь сменяется горами.

С учетом административно-территориальных границ Ногайская степь включает в себя: север Республики Дагестан (Ногайский, Кизлярский и Тарумовский районы), север Чеченской республики (Шелковской и Наурский районы), восток, юго-восток и отчасти юг Ставропольского края (Нефтекумский, Степновский, Курский и Кировский районы, южные части Левокумского и Георгиевского районов, восточные части Буденновского и Советского районов), север Республики Северной Осетии (северная часть Моздокского района) и северо-восток Кабардино-Балкарской республики (большая часть Прохладненского района, незначительные части Майского и Баксанского районов). Таким образом, Ногайская степь географически объединяет почти все районы компактного проживания ногайцев на Северном Кавказе и в Предкавказье (32 тыс. ногайцев), за исключением кубанских и кумских ногайцев в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае.

Главной характеристикой, позволяющей идентифицировать Ногайскую степь в качестве культурного ландшафта, является, конечно, исторический факт давнего, и главное, непрерывного проживания на этой территории.

Об этом в первую очередь свидетельствует закрепившийся за этим районом географический топоним «Ногайская степь», а также множество сохранившихся здесь других ногайских топонимов.⁴ Многочисленные исторические свидетельства подтверждают факт долгого проживания здесь ногайцев, что не могло не оставить след в виде формирования на этом пространстве характерного культурного ландшафта.

В конце XVI в. на землях между Терекком и Кумой кочевали ногайцы Казиева улуса (Малой Ногайской орды). В первой половине XVIII в. на этих землях формируется значительный массив ногайского населения, получивший название караногайцев («черных ногайцев»). Как сообщает Ф. И. Капельгородский, до 1735 г. караногайцы кочевали на Сулаке, а затем были переведены генерал-аншефом В. Я. Левашовым в степи за крепость Кизляр.⁵ В 1785 г. по приказу фельдмаршала Г. А. Потемкина между караногайцами были поселены выведенные с Кубани три группы ногайцев: едишкульцы, едисанцы и джембойлуковцы. Но уже в 1799 г. по распоряжению генерал-лейтенанта К. Ф. Кнорринга они были «помещены в Моздокских степях вблизи слободы Володимировки и при урочище Ачикулак».⁶ Таким образом, вокруг Ачикулака сложился еще один крупный массив ногайского населения. В 1793 г. в Кавказской губернии на землях, отведенных под кочевья ногайцев, было образовано четыре приставства: Калаус-Саблинское, Калаус-Джембойлуковское, Ачикулак-Джембойлуковское и Караногайское.⁷ В 1800 г. Министерство иностранных дел учредило должность главного пристава над ногайцами, калмыками, туркменами и кабардинцами. Через три года была учреждена должность главного пристава отдельно для ногайцев. Для упорядочения системы управления ногайцами в 1827 г. было разработано «Положение о кочующих инородцах».⁸

⁴ См.: Булгарова М. А. Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999. С. 48, 49.

⁵ См.: Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М., Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 102; Капельгородский Ф. И. Караногай, страна кочевников и патриархального быта. Архив (Рукописный фонд) ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 68. Л. 34.

⁶ Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Указ. соч. С. 102.

⁷ См.: Там же. С. 42, 43.

⁸ См.: Щеглов И. Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии: сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян-овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии. Ставрополь, 1911. Т. 3. С. 96.

Начавшееся в 1850-х гг. переселение ногайцев, проживавших на Кубани, а также в Таврической губернии, в Османскую империю захватило также ногайцев четырех приставств учрежденной в 1847 г. Ставропольской губернии. В итоге в 1859–1860 гг. из губернии в Турцию эмигрировало около 40 тыс. ногайцев. Из четырех приставств сохранились только Ачикулакское и Караногайское.⁹ В 1862 г. около 2 тыс. едишкульских семейств по распоряжению главного ногайского пристава были переведены из Караногайского в Ачикулакское приставство. По мнению Ф. И. Капельгородского, «новое административное деление совпало с племенным: 1) Караногайское приставство объединяло племена Малого Ногай (вернее остатки); 2) Ачикулакское заключало в себе племена Большого Ногай (едишкульцев, едисанцев, джембойлуковцев)».¹⁰ В 1888 г. Караногайское приставство вместе с Кизлярским уездом было передано в Терскую область.¹¹

При советской власти ногайские приставства на территории Ставропольской губернии и Терской области были упразднены, а их территории в разное время под разными названиями входили в состав Ставропольской губернии, Терской области, Дагестанской АССР, Орджоникидзевогo края, Грозненской области (ЧИАССР, Чеченской республики), Ставропольского края, Республики Дагестан.

Методология и направления исследования Ногайской степи

Длительное проживание ногайцев в Ногайской степи неизбежно должно было преобразовать это географическое пространство в культурный ландшафт, который по определению является сложным явлением. По мнению известного российского исследователя В. Н. Калущкова, «под культурным ландшафтом понимается культура местного сообщества, сформировавшаяся как результат его жизнедеятельности в различных природных условиях, или природно-культурная среда развития определенного этноса, местного сообщества, или пространственное проявление национальной (этнической) культуры в различных природных условиях».¹² С точки зрения другого

⁹ См.: Там же. С. 99, 100.

¹⁰ Капельгородский Ф. И. Указ. соч. Л. 4.

¹¹ См.: Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Указ. соч. С. 48.

¹² Калущков В. Н. Схематизации культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара

известного исследователя Ю. Н. Веденина, культурный ландшафт может быть рассмотрен с трех ракурсов во-первых, «как результат «сотворчества» человека и природы, осуществляемого в процессе утилитарного, интеллектуального или духовного освоения пространства»; во-вторых, как «сложная территориальная система, в формировании и развитии которой определяющую роль играет культура»; в-третьих, как «особый текст, содержащий информацию о ценностях — хозяйственных, социальных, духовных, которые были заложены людьми в процессе его формирования и развития».¹³ Эти определения не только не противоречат друг другу, но и взаимно дополняют одно другое. В нашем исследовании акцент делается на понимании культурного ландшафта как «пространственного проявления» этнической культуры ногайцев в границах Ногайской степи. При этом авторы учитывали также все другие указанные выше аспекты возможных интерпретаций культурного ландшафта.

При выборе методологии исследования авторы статьи опирались на разработки таких российских исследователей как Ю. Н. Веденин, В. Н. Калущков, М. Е. Кулешова. Так, Ю. Н. Веденин и М. Е. Кулешова предлагают при его исследовании отталкиваться от концепта о вертикальной структуре культурного ландшафта, в которой выделяются два основных слоя — природный и культурный. Природный слой должен рассматриваться как совокупность природных компонентов, главные из которых представлены естественной и преобразованной природой. Культурный слой состоит из трех компонентов: 1) ментифактов (религия, язык, фольклор, топонимия и т. д.); 2) социофактов (социальная структура, виды хозяйственной деятельности, обычаи и т. д.); 3) артефактов (орудия труда, жилища, одежда и т. д.).¹⁴ Указанную методологию хорошо дополняет предложенная В. Н. Калущковым многосоставная модель культурного ландшафта, в центре которой находится конкретное сообщество людей. Далее в форме ромашки выстраиваются такие компоненты,

как: 1) природный ландшафт; 2) хозяйство; 3) поселенческая система; 4) язык; 5) духовная культура.¹⁵ Исследование культурного ландшафта, как правило, начинается с выявления его природно-культурного каркаса (с его узловыми элементами и линиями).

Отметим, что трудность исследования культурных ландшафтов обуславливается не только их сложной структурой, но также тем фактом, что каждый из них представляет собой своего рода палимпсест, полустертый от времени пергаментный текст, в котором проступают ландшафтные элементы прошлых исторических эпох. Так, Р. Ф. Туровский пишет: «Современные культурные ландшафты возникли в результате длительного эволюционного развития природных ландшафтов под воздействием творческой деятельности человека, причем человека разных эпох. У каждой эпохи — своя территориальная система культурных ландшафтов, на каждом временном отрезке в ландшафт привносились свои ценности, стили и образы. Историческое исследование культурного ландшафта позволяет определить его исторические пласты с их характерными особенностями».¹⁶ Вот таким «палимпсестом» является Ногайская степь.

Конечно, на начальном этапе исследования невозможно применить все указанные выше методологические подходы. Но они позволяют в рамках статьи определиться с основными направлениями комплексного исследования культурного ландшафта Ногайской степи. В первую очередь следует дать характеристику его природно-культурному каркасу. Одновременно необходимо выявить основные исторические этапы формирования этого культурного ландшафта. Важным направлением исследования являются описание и анализ его отдельных узловых элементов (например, старых ногайских кладбищ). Отдельно следует уделить внимание изучению сакрального пространства Ногайской степи.

Природно-культурный каркас Ногайской степи

Ногайская степь представляет собой полупустынное пространство, покрытое перевейными древнеаллювиальными песками. Гидрографическая сеть степи слабо развита. Однако грунтовые воды залегают сравнительно близко

«Культурный ландшафт». М., 2003. С. 15, 16.

¹³ Веденин Ю. А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М., 2018. С. 90.

¹⁴ См.: Кулешова М. Е. Факторы культурно-ландшафтной дифференциации территории — природный каркас, его экологические функции и природно-культурный каркас // Культурный ландшафт как объект наследия. М., СПб., 2004. С. 82–103; Веденин Ю. А. Опыт культурно-ландшафтного описания.

¹⁵ См.: Калущков В. Н. Ландшафт в культурной географии. С. 75, 76.

¹⁶ Туровский Р. Ф. Указ соч. С. 28.

к поверхности. Кроме выходов пресных грунтовых вод, в степи имеется много напорных артезианских источников. Климат Ногайской степи с жарким летом, холодной зимой, с неустойчивостью средних температур, а также резким преобладанием испаряемости над осадками относится к континентальному типу.

В растительном покрове господствуют степные растения и свойственные полупустыням сухолюбивые полукустарники.¹⁷ Большая часть Ногайской степи представляет собой пастбища, являясь тем самым естественным природным каркасом для формирования культурного ландшафта ногайцев, издавна занимавшихся кочевым скотоводством.

Культурный ландшафт кочевников уже в силу своей природной основы, а также характера хозяйства должен отличаться от привычных для российских исследователей культурных ландшафтов, сформированных сообществами оседлых земледельцев, с развитой сетью поселений, с часто встречающимися архитектурными доминантами.

В Ногайской степи узловыми точками природно-культурного каркаса являются курганы, балки, русла рек, источники воды, сохранившиеся реликтовые участки леса (например, можжевельниковая роща в урочище Сосновка в Ногайском районе Республики Дагестан), поселения, созданные на месте бывших зимников, мечети, зияраты, а также старые ногайские кладбища.

Историческими центрами Ногайской степи являются с. Ачикулак, ставка бывшего Ачикулакского приставства и с. Терекли-Мектеб, ставка бывшего Караногайского приставства, сейчас административный центр Ногайского района Республики Дагестан.

Исторические периоды формирования культурного ландшафта Ногайской степи

Как и другие культурные ландшафты, Ногайская степь является «палимпсестом» с несколькими историческими пластами, которые состоят из различных ментифактов и артефактов, отложившихся на этом пространстве в разные периоды проживания здесь ногайцев. Критерием для выделения периодов являются происходившие на этом пространстве изменения характера хозяйственной деятельности ногайцев и связанного с ним способа освоения территории степи.

¹⁷ См.: Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Указ соч. С. 5, 6.

С начала XVIII и до конца XIX в. ногайцы вели здесь традиционное кочевое хозяйство. Кочевники держали скот круглый год на подножном корму, чередуя пастбищные угодья по мере их вытравливания. Такое содержание скота требовало правильного расчета использования травостоя и четкой организации перекочевков. Обычно каждое родоплеменное подразделение ногайцев имело свои земли для кочевания, которые делились на летние (ног. *яйлав*) и зимние (ног. *кыслав*) кочевья. В течение года кочевники последовательно посещали свои участки. Огромную роль в жизни ногайцев играли источники воды — колодцы и озера, с которыми были связаны пастбища. Кочевки велись циклическими кругами, главным образом вблизи водных источников, где были обширные пойменные и луговые места для выпаса скота летом и зимой.¹⁸ Неслучайно в Ногайской степи очень распространены такие топонимы, как *куйы* — «колодец», *шангырав* — «глубокий колодец». О периоде кочевого хозяйства ногайцев свидетельствуют встречающиеся названия с такими топонимическими компонентами, как *юрт*, *юртлык*, *орлак*, *ширик* в значении «заброшенное», «оставленное местожительство».¹⁹

С конца XIX в. ногайцы Ачикулакского и Караногайского приставств стали постепенно оседать на землю. Профессор А. И. Якобий писал: «Этот процесс выражается в трех главных признаках: а) постройка хат в аулах и зимовок в степях, в) перемена в типе скотоводства, с) земледелие на хлебных полях, бахчах и садах».²⁰ Как правило, оседлые аулы образовывались на месте зимних кочевых аулов, где постепенно строились не только хозяйственные постройки (загоны для скота (ног. *шетен*, *кора*, *коьтерме*) или хранилища для зерна (ног. *куьр*, *ор*) в виде круглых ям с широким дном), но также постоянные жилые помещения. При этом селились здесь жители сразу из нескольких летних аулов.²¹ Новые постоянные аулы были малодворными с хаотичной застройкой домами из саманного кирпича с камышовой крышей. Одним из первых зданий в оседлых аулах становилась мечеть или школа (ног. *мектеб*). Отсюда в названиях многих аулов приставка *Мектеб*: Тукуй-Мектеб, Махмуд-Мектеб и т. д.

¹⁸ См.: Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976. С. 25, 26.

¹⁹ См.: Булгарова М. А. Указ соч. С. 12, 53.

²⁰ Якобий А. И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901. С. 5.

²¹ См.: Гаджиева С. Ш. Указ соч. С. 34.

Первыми к оседлости стали переходить ногайцы Ачикулакского приставства, основывая постоянные аулы. Так, в 1890-х гг. оседлыми едисанцами и джембойлуковцами были основаны аулы Ильяс-Кишлау и Камыш-Бурун.²² Переход к оседлости ногайцев в Караногайском приставстве активно начался только с 1909 г. благодаря деятельности пристава Ф. И. Капельгородского.²³ Несмотря на появление постоянных аулов, ногайцы не переходили сразу к прочной оседлости. Еще долгое время они вели полуседлый образ жизни, проживая в домах только зимой, а весной отправляясь кочевать по летним пастбищам.

Массовый переход к оседлости начался только с 1920-х гг. после установления советской власти. Мероприятия по седентаризации караногайцев и ачикулакских ногайцев были жесткими, сопровождавшимися, например, изъятием скота и уничтожением кочевых жилищ. В результате в Ногайской степи не осталось верблюдов, а поголовье лошадей катастрофически уменьшилось. Прекратилось производство такого значимого для кочевников-ногайцев продукта, как кумыс. Была уничтожена порода ногайских лошадей, которые оставили свой генетический след в таких известных породах, как донская и кабардинская.²⁴

Каждый из указанных исторических периодов оказал свое влияние на формирование культурного ландшафта Ногайской степи, отложившись в виде дошедшей до нашего времени топонимики, основанных в XIX — начале XX в. оседлых аулов, а также старых ногайских кладбищ. Несмотря на крутые меры советской власти по переводу ногайцев к оседлой жизни, которые сопровождалась уничтожением многих значимых элементов культуры, ногайцы и спустя сто лет помнят о своем кочевом прошлом.

Старые ногайские кладбища

В сохранении ногайцами памяти о долгом историческом периоде кочевой жизни огромную роль играют старые ногайские кладбища, являющиеся, наряду с поселениями, узловым элементом культурного ландшафта Ногайской степи. На данный момент в той или иной мере

исследовано 10 действующих и недействующих кладбищ, расположенных в основном на территории бывшего Караногайского приставства (ныне — Ногайского и Кизлярского районов Республики Дагестан).

Кладбища Ногайской степи являются свидетельством особого отношения кочевников к пространству. Стороннему, оседлому наблюдателю могло казаться, что степняки кочевали хаотично, занимая огромные степные пространства по своему усмотрению. Однако это не так. Логика кочевого скотоводства предполагает перемещения людей вслед за стадами, которым постоянно требуются свежие пастбища взамен истощенных. Без надлежащего регулирования это приводило бы к постоянным конфликтам между родовыми группами кочевников. Кочевое сообщество в первую очередь решало вопрос маршрутов кочевания, как один из самых важных для его функционирования. Вместе кочевали родственники, и родоплеменная структура была тесно связана с освоением пространства и маршрутами кочевания. Это было причиной стойкого сохранения родоплеменного деления у кочевников.

Ногайцы, кочевавшие вплоть до 1930-х гг., по сей день в значительной мере сохраняют память о своей принадлежности к определенному роду и племенной группе. Визуальным выражением этой принадлежности являются родовые тамги. Тамгой кочевники обычно отмечали свой скот — странник, оказавшись в кочевье, сразу видел, какой род кочует в данной местности. Характерно, что ногайцы до сих пор отмечают ими свой скот.

Известно, что родоплеменное деление никогда не было статичным, оно могло меняться и усложняться со временем. Выделение новых подразделений и усложнение родоплеменной структуры вызывались политическим дроблением. Существовавшая в XV–XVI вв. Ногайская орда позже разделилась на Большой и Малый Ногай, из которых, в свою очередь, выделились Джембойлукская, Едисанская, Едишкульская, Кубанская, Буджакская орды. И если в Ногайской орде исследователи отмечают 18 основных племен-элей (в целом В. В. Трепавлов на основании данных исторических источников выделил 70 ногайских элей),²⁵ то со временем родоплеменная структура усложняется и становится «ветвистой».

²² См.: Твалчрелидзе А. И. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. С. 741.

²³ См.: Капельгородский Ф. И. Указ. соч. Л. 201–202.

²⁴ Подробнее о ногайской породе лошадей см.: Найманов А. Х. Ногайцы и ногайские лошади // Ветеринария.рф. URL: <http://ветеринария.рф/analytics/publikatsii-uchenykh/nogaytsy-i-nogayskie-loshadi> (дата обращения: 13.12.2019).

²⁵ См.: Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 476–480, 486–494.

Многие локальные группы ногайцев, потерявшие свою политическую самостоятельность и оказавшиеся в составе Российской империи, явно несли в своей структуре следы бурных политических пертурбаций, приведших к перемешиванию родов и племенных структур. В частности, в составе ачикулакских ногайцев оказались представители трех прежних политических объединений: джембойлуковцев, едишкульцев и едисанцев. В таком случае роды и племена объединялись в кубы (ног. *кьул* — «группа»).

В Ачикулакском приставстве джембойлуковцы кочевали в центральной части, от аула Иргаклы до аула Бийсей. Едишкульцы занимали восточную часть приставства, от аула Уч-Тюбе-Таслы до аула Абрам-Тюбе (граница с Караногайским приставством). Едисанцы кочевали на западе, от аула Кара-Тюбе до аула Новкус.²⁶

К сожалению, таких подробных данных по караногайцам не сохранилось. Однако известно, что караногайцы делились на четыре куба. Ф. И. Капельгородский пишет, что по состоянию на 1827 г. в караногайском народе имелись Найманов куб, Терков куб, Кипчаков куб, Ас-Костамгалыев куб (позже Минов).²⁷

Караногайцы кочевали родовыми аулами. Об этом сегодня свидетельствуют древние родовые кладбища. Как правило, они возникали на маршрутах кочевания аулов, недалеко от зимников. Изучение сохранившихся надгробий на кладбищах может помочь в изучении прежних маршрутов кочевания, очертить те территории, которые занимали все четыре караногайских куба. Так, исследование кладбищ, расположенных на юго-востоке бывшего Караногайского приставства, позволяет предположить, что эту часть Ногайской степи охватывали кочевья Кыпчакова куба Караногайского народа. В частности, надгробия из кладбища Шийх-Али недалеко от аула Огузер Кизлярского района, а также Алаш-оылик недалеко от аула Арсланбек Ногайского района часто отмечены родовым кипчакским знаком -)(, на многих из них написано, что покойный или покойная из рода кипчак (араб. *карйат кьыбчак*).²⁸

Огромное значение имеют кладбища для самих жителей Ногайской степи. Поднимая вопрос опустынивания степи в результате чрез-

мерной нагрузки стадами горных хозяйств, ногайцы ведут серьезную работу по консервации уничтожаемых древних некрополей. Религиозные деятели Ногайского района Республики Дагестан ведут работу по огораживанию действующих кладбищ на территории района с целью предотвращения их дальнейшего разрушения. Проводятся работы по реставрации полуразрушенных могильных стел (ног. *сын-тас*). Часто ногайские религиозные активисты проводят разъяснительную работу с пастухами горных хозяйств, выпасающих стада на выделенных им землях отгонного животноводства. Часто пастухи выделяют свой *закят* (обязательный религиозный налог на имущество, в данном случае на скот) для проведения работ по сохранению старинных кладбищ.²⁹

Шийхи (зияраты) Ногайской степи

В Ногайской степи довольно распространены святые места и *зияраты*, которые являются узловыми элементами сакрального пространства культурного ландшафта Ногайской степи. Среди ногайцев издавна бытовал культ святых, тесно связанный со святыми местами, которые в Ногайской степи называли (как и похороненных здесь святых) *шийхлар* (мн. ч. от ног. *шийх* — от араб. «старец, пожилой, уважаемый человек»). В постсоветское время под влиянием горцев-переселенцев из Дагестана в обиход вошел распространенный у дагестанцев синоним данного понятия, имеющий арабское происхождение — *зиярат*. Сегодня паломничество к святыням и сами их нередко называют зияратами, хотя среди старшего поколения все еще бытует и ногайское название *шийх*. Святые места ногайцев представляют собой почти исключительно могилы исламских религиозных деятелей, преимущественно этнических ногайцев, живших среди них в дореволюционное и раннее советское время. О святом шейхе Абулазизе известно, что он был туркменом (трухменом). По рассказам местных жителей, туркмены из Ставрополя до недавнего времени совершали к нему паломничество, устраивали жертвоприношение и совместную трапезу у его могилы.³⁰ То есть в Ногайской степи происходило достаточно тесное общение представителей разных народов.

²⁶ См.: Мутенин И. Т. Ачикулакские ногайцы // Архив (Рукописный фонд) ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67. Л. 2.

²⁷ См.: Капельгородский Ф. И. Указ. соч. Л. 63–64.

²⁸ См.: Бобровников В. О., Желтов Е. И., Ярлыкапов А. А. Каталог надписей // Сын-таслар. Намогильные стелы Ногайской степи. М., 2016. С. 68–121, 554–605.

²⁹ Полевые материалы автора (далее — ПМА). Ногайский район Республики Дагестан. Сентябрь 2015 г.

³⁰ См.: Ярлыкапов А. А. Шийх // Ислам на территории бывшей Российской империи: энцикл. словарь. М., 2012. Вып. 5. С. 156–157.

В ходе изучения ногайских родовых кладбищ удалось установить, что на территории Ногайской степи в XVIII–XX вв. было захоронено не менее десяти почитаемых *шайхов*. Среди них наибольшим почитанием пользуются: *шайх* Абдулгани Атангулов/Амангулов (ум. 1814–1815), похороненный на кладбище Кобгобли к юго-западу от райцентра Ногайского района с. Терекли-Мектеб; *шайх* Байрам-газы (ум. 1881–1882), чей мавзолей находится на кладбище Бакый-облик недалеко от аула Калинин (Таьтли-Булак); *шайх* Оразакай (ум. 1908–1909), похороненный на кладбище Шепкен Тыккан-облик вблизи аула Кумли.

Среди ногайцев широкой популярностью пользовался принадлежавший к братству накшбандий-халидий чеченский шейх Дени Арсанов (ум. 1917) из Урус-Мартана. В конце XIX — начале XX в. в Ногайской степи у него было много мюридов.³¹ Арсанов имел большой авторитет в Ногайской степи, его часто приглашали в качестве третейского судьи как ногайцы, так и жившие рядом туркмены. Могилы некоторых мюридов Дени-шейха почитаются ногайцами как святые места.³²

Мы на сегодня обладаем обрывочными и немногочисленными свидетельствами о ногайских шейхах. Об их жизни и деятельности скупо рассказывают эпитафии, порой реставрированные на основе устных преданий и памятных записей из библиотек ногайских улемов, как это было сделано в мавзолее шейха Абдулгани, восстановленном в 2000-е гг. В биографиях шейхов преобладают устные рассказы о совершенных при жизни и на их могилах после их смерти чудесах. Например, про шейха Абдулгани рассказывали, что он в месяц паломничества каждый день творил пятикратную молитву в Мекке: перед ним земля якобы чудесным образом сжималась, и он мог легко попадать из Ногайской степи в Мекку и обратно.³³ Также часто рассказывают, что могилы шейхов излучают по ночам божественный свет (ног. *нур янады*). Ногайцы рассказывают, что не раз видели такое свечение над могилой шейха Оразака на кладбище Шепкен Тыккан-облик.³⁴

Святые места являются местом паломничества с целью излечения от болезни или беспло-

дия. С целью исцеления ногайцы ездят, например, на кладбище Каклаш-облик, где покоится *шайх* Ажи-Оспан. Оно находится в солончаках (ног. *ашы ер*). Солончаковые места за этим кладбищем из-за труднодоступности в народе именуют *Сырат-коьпир* (мост *Сырат*).³⁵

Коллективные паломничества к святым местам устраиваются в дни религиозных праздников. Для паломников слева от могилы нередко ставят скамейку. Ритуал *зиярата* довольно прост и, как правило, ограничивается чтением молитвы. Но иногда паломники после чтения молитвы могут несколько раз перекачываться на могиле, веря, что сила святого магическим образом будет воздействовать на паломника. Перед тем как покинуть святое место, паломники обычно оставляют приношения деньгами, продуктами или вещами. На окнах мавзолеев нередко можно увидеть небольшие монеты и денежные купюры. Приносят с собой и оставляют на *зиярате* одеяния тех, за кого просят: на месте паломничества можно найти детскую, подростковую и взрослую одежду.

Могилы святых, как правило, выделяются среди других невысоким шестом, обвязанным куском цветной материи и платками. Паломницы также привязывают платки к самим могильным стелам. Над некоторыми *шайхами* верующие сооружают небольшие домики для защиты от непогоды. Обычно могилы ногайских *шайхов* располагаются в старинной части кладбища, как правило на возвышении, представляющем собой курган или холм.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что Ногайская степь является, бесспорно, культурным ландшафтом, созданным ногайцами, в течение нескольких веков проживавшими в Предкавказских степях. Данный культурный ландшафт обладает сложной структурой, узловыми элементами которой являются такие материальные, природно-культурные объекты, как источники воды, в том числе колодцы, курганы, реликтовые рощи, поселения, а также ногайские кладбища. Роль несущих элементов сакрального пространства ногайцев в степи играют *шайхи* — могилы святых исламских деятелей. Своеобразие культурного ландшафта Ногайской степи сохраняется также благодаря топонимике.

К сожалению, административные границы, разделившие Ногайскую степь между тремя

³¹ ПМА. С. Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан. Сентябрь 2013 г.

³² Там же. Сентябрь 2012 г.

³³ Там же. Август 1993 г.

³⁴ Там же. С. Таьтли-Булак Ногайского района Республики Дагестан. Сентябрь 2015 г.

³⁵ Там же. Сентябрь 2014 г.

регионами, сильно затрудняют ее исследование как целостного культурно-исторического феномена. Более того, введение искусственных терминов, таких как «Кизлярские пастбища», ведет ко все большей маргинализации понятия «Ногайская степь», его выведению из широкого употребления. В этом видны явно политические мотивы, которые в очередной

раз оказали негативное воздействие на научные исследования. Одной из важнейших задач сегодня является комплексное исследование Ногайской степи, которое поможет выявить и закрыть те лакуны, которые образовались за долгие годы забвения истории и культуры этого уникального природно-культурного ландшафта.

Michael A. Volkhonskiy

Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (Russia, Moscow)
E-mail: *VolhonskyMA@yandex.ru*

Akhmet A. Yarlykapov

Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (Russia, Moscow)
E-mail: *itbal@mail.ru*

NOGAI STEPPE AS A CULTURAL LANDSCAPE:
PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND STUDY

This article poses a novel problem of identification of the Nogai steppe (geographical space located between the Terek and Kuma rivers) as a cultural landscape of the Nogais, one of the Turkic-speaking peoples of Russia. Particular attention is paid to the analysis of those features of the Nogai steppe's natural and cultural framework, which can act as a kind of historical source that makes it possible to reconstruct individual stages and aspects of the history of the Nogai people in Russia. When choosing a research methodology, the authors of the article relied on the works of such Russian researchers as Yu. N. Vedenin, V. N. Kalutskov, M. E. Kuleshova. The authors used such sources as historical archival documents, as well as studies by pre-revolutionary, Soviet and Russian authors on the history, material and spiritual culture and toponymy of the Nogais. The article is largely based on field materials collected by authors during studies on the territory of the Nogai steppe, mainly the Nogai, Kizlyar and Tarumov districts of the Republic of Dagestan, conducted from 1993 to 2015. The cultural landscape of the Nogai steppe has a complex, sophisticated structure, its key elements are such material, natural and cultural objects as water sources, including wells, barrows, relic groves, settlements and Nogai cemeteries. The role of the basic elements of the sacred space of the Nogais in the steppe is played by Shiikhs — the graves of holy Islamic figures.

Keywords: *Nogai steppe, Nogais, cultural landscape, nomadic economy, settlements, clan-tribal division, tamgas, sacred space, cemeteries*

REFERENCES

- Bobrovnikov V. O., Zheltov E. I., Yarlykapov A. A. [The catalogue of inscriptions]. *Syntaslar. Namogil'nye stely Nogajskoj stepi*. [Syntaslar. Funeral steles of the Nogay steppe]. Moscow: ID Mardzhani Publ., 2016, pp. 66-627. (in Russ.).
- Bulgarova M.A. *Nogajskaya toponimiya*. [Nogai toponymy]. Stavropol: Stavropol'servisshkola Publ., 1999. (in Russ.).
- Cosgrove D. *Social formation and symbolic landscape*. Madison; Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1998. (in English).
- Frolova M. Yu. [Landscape studies in France]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografija* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography], 1996, no. 2, pp. 52-56. (in Russ.).
- Gadzhieva S. Sh. *Material'naya kul'tura nogajcev v XIX — nachale XX v.* [Material culture of the Nogais in the 19th — early 20th century]. Moscow: Nauka Publ., 1976. (in Russ.).
- Jackson J. B. *Discovering the Vernacular Landscape*. New Haven; London: Yale University Press, 1984. (in English).
- Kalmykov I. Kh., Kereitov, R. Kh., Sikaliev A. I.-M. *Nogajcy. Istoriko-etnograficheskij ocherk*. [The Nogais. Historical and ethnographic essay]. Cherkessk: Stavropol'skoye kn. izd-vo; Karachayevo-Cherkesskoye otdeleniye Publ., 1988. (in Russ.).

- Kalutskov V. N. [Schematization of the cultural landscape]. *Kul'turnyj landshaft: Teoreticheskie i regional'nye issledovaniya. Tretij yubilejnyj vypusk trudov seminar "Kul'turnyj landshaft"* [Cultural landscape: Theoretical and regional studies. The third anniversary edition of the proceedings of the seminar "Cultural landscape"]. Moscow: MGU Publ., 2003, pp. 10–19. (in Russ.).
- Kalutskov V. N. *Landshaft v kul'turnoj geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow: Novyy Khronograf Publ., 2008. (in Russ.).
- Kuleshova M. E. [Factors of cultural and landscape differentiation of the territory — natural framework, its ecological functions and natural and cultural framework]. *Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt naslediya* [The Cultural landscape as a heritage site]. Moscow; Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2004, pp. 82–104. (in Russ.).
- Mitchell D. *The lie of the land: Migrant Workers and the California Landscape*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. (in English).
- Ragulina M. V. *Kul'turnaya geografiya: teorii, metody, regional'nyj sintez* [Cultural geography: theories, methods, regional synthesis]. Irkutsk: Institut geografii SO RAN Publ., 2004. (in Russ.).
- Streletsky V. N. [Paradigms of geospace and methodology of cultural geography]. *Gumanitarnaya geografiya* [Humanitarian geography]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2004, vol. 1, pp. 95–119. (in Russ.).
- Trepavlov V. V. *Istoriya Nogajskoj Ordy* [History of the Nogai Horde]. Kazan: ID "Kazanskaya nedvizhimost" Publ., 2016. (in Russ.).
- Turovsky R. F. *Kul'turnye landshafty Rossii* [Cultural landscapes of Russia]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 1998. (in Russ.).
- Vedenin Yu. A. [An attempt of cultural and landscape description of large regions of Russia]. *Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt naslediya* [The Cultural landscape as a heritage site]. Moscow; Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2004, pp. 338–383. (in Russ.).
- Vedenin Yu. A. *Geografiya naslediya. Territorial'nye podhody k izucheniyu i sohraneniyu naslediya* [Geography of heritage. Territorial approaches to the study and preservation of heritage]. Moscow: Novyy Khronograf Publ., 2018. (in Russ.).
- Vedenin Yu. A. *Ocherki po geografii iskusstva* [Essays on the geography of art]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1997. (in Russ.).
- Yamakov A. N. [Ethnoecological studies of culture and the concept of cultural landscape]. *Kul'turnyj landshaft: teoreticheskie i regional'nye issledovaniya* [Cultural landscape: theoretical and regional studies]. Moscow: MGU Publ., 2003, pp. 62–77. (in Russ.).
- Yarlykapov A. A. [Shiikh]. *Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii: Enciklopedicheskij slovar'* [Islam in the territory of the Former Russian Empire: Encyclopedic dictionary]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2012, vol. 5, pp. 156–157. (in Russ.).

Сынтас (надгробие). Кладбище Кюгюбли, Ногайский район Республики Дагестан.
Фото А. А. Ярлыкапова, 2015 г.